

Исторический вестник. 2022. Т. XXXIX

DOI: 10.35549/HR.2022.2021.39.001

В.И. Гольцов

ОФИЦИАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ САМОДЕРЖАВИЯ XIX — НАЧАЛА XX вв.

Изучение официальной идеологии российского самодержавия представляется чрезвычайно важной исследовательской задачей. Данная идеология, как и само самодержавие, формировалась веками, без ее осмысления трудно понять многие узловые моменты российской истории.

При этом следует отметить, что самодержавная власть в России вовсе не была доктринерской. Она не столько руководствовалась догматами идеологии, сколько ставила ее на службу себе. Поэтому не стоит придавать слишком большое значение самостоятельной роли официальной идеологии самодержавия. Но это обстоятельство вовсе не умаляет необходимости ее изучения, так как без этого невозможно глубоко понять как мотивацию действия власти, так и направления российской общественной мысли, часто формировавшиеся в полемике с официальной идеологией.

Догматы такой идеологии, призванной оправдать и сохранить самодержавную власть, начали формулироваться достаточно давно. Их можно найти и в теории «Москва — третий Рим», созданной псковским монахом Филофеем в начале XVI в., и в письмах Ивана IV князю Андрею Курбскому (60–70-е гг. XVI в.), и в сочинениях Феофана Прокоповича

(XVIII в.) и других теоретиков абсолютной власти монарха в России. Но свой законченный вид идеология самодержавия получает в XIX в.

Конечно, к идеологии самодержавия XIX в. вовсе не следует сводить все направления официальной российской мысли этого периода. Политический курс российских самодержцев, правящих в XIX в., был различным: и реформаторским, и консервативным. Различной была и идеологическая линия, поддерживающая тот или иной курс. Поэтому когда говорят об официальной идеологии самодержавия, имеют в виду охранительную идеологию, ставящую цель подвести теоретическую базу под институт самодержавия как таковой и обеспечить наиболее эффективные условия его сохранения и функционирования. Не случайно этапы формирования идеологии самодержавия в XIX в. в России связаны с периодами правления Николая I и Александра III, делавшими ставку на стабильность и традиционализм.

Обычно при изучении формирования официальной идеологии самодержавия в XIX в. акцент делается на анализе теорий и взглядов С.С. Уварова, М.Н. Каткова и К.П. Победоносцева, рассматриваемых, как правило, по отдельности. Трудов обобщающего характера существует меньше, следовательно, анализ общих черт самодержавной идеологии отходит на второй план.

Поэтому целью настоящей статьи является попытка выделить общие для всех данных теоретиков XIX в. черты официальной идеологии самодержавия, а также попытка ответить на вопрос, почему эта идеология, создаваемая достаточно образованными авторами, в конечном счете не смогла сохранить самодержавие, просуществовавшее веками, но обрушившееся за считанные дни в 1917 г. Разумеется, причины такого обрушения лежат не только и не столько в идеологической плоскости. Но печальный итог самодержавия позволяет предположить, что в этом есть «вклад» и официальной идеологии, не сумевшей выполнить задачу обеспечения эффективных условий его функционирования. Следовательно, необходимо показать и важные, недостаточно проанализированные моменты в концепциях видных теоретиков самодержавия — генезис их доктрин, их доказательность, соответствие доктрин реальности. Поэтому еще одной необходимой составной частью настоящей публикации являются анализ личностей известных идеологов самодержавия, реконструкция логики их рассуждений и попытка выяснения того, насколько точно их теории отражали российскую действительность.

Итак, первый этап формирования идеологии самодержавия в XIX в. связан с правлением Николая I, вступление которого на престол совпа-

ло с восстанием декабристов. Оно, хоть и было подавлено, наложило глубокий отпечаток на все его царствование. Николай вознамерился преподать урок российскому обществу, искоренить вместе с остатками заговора все проявления инакомыслия в России.

Основа правительственной идеологии николаевского времени была заложена в документах, связанных с делом декабристов: в «Донесении Следственной комиссии», написанном в конце мая 1826 г. Д.Н. Блудовым, и в Манифесте Николая I от 13 июля 1826 г., изданном в день казни пятерых декабристов (подготовлен М.М. Сперанским). В них были заложены такие характерные моменты идеологии самодержавия, которые можно обозначить как концепцию внешних причин революционных потрясений в России и охранительную концепцию русского народа, русских национальных начал.

Официальные сановники никогда не признавали закономерности освободительного движения в России. «Происшествие 14 декабря», как его называли власти, согласно официальной версии было навеяно извне, порождено западным влиянием: республиканским строем, либерализмом, атеизмом и т.п.

Например, в «Донесении Следственной комиссии» движение декабристов объяснялось как «зараза, извне привнесенная», а причастность к нему объяснялась влиянием моды («моды на мнения»), «суетным любопытством», даже «видами личной корысти». «Донесение» было призвано убедить общественное мнение в случайности появления тайных обществ в России, в оторванности декабристов от российской действительности¹. Важнейший идеологический документ николаевской эпохи, Манифест от 13 июля 1826 г., содержал утверждение: «Не в свойствах, не в нравах Русских был сей умысел. Составленный горстью извергов, он заразил ближайшее их сообщество, сердца развратные и мечтательность дерзновенную; но в десять лет злонамеренных усилий не проник, не мог проникнуть далее»². В качестве почвы для заговора назывались «праздность ума, более вредная, чем праздность телесных сил», «недостаток твердых познаний», «своеволие мыслей», «порыв в мечтательные крайности», «порча нравов»³.

¹ Цимбаев Н.И. «Под бременем познания и сомненья...» (Идейные искания 1830-х годов) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи (Мемуары современников). М., 1989. С. 6.

² Процесс декабристов. Донесение, следствие, приговор. Письмо Рылеева из крепости. Указы. М., 1905. С. 118.

³ Там же. С. 119.

Любопытно, что убеждая русское общество в отсутствии внутренних причин для появления освободительных идей в России, власти в действительности судили иначе. В «Донесении Следственной комиссии» имелось секретное приложение, где был сформулирован принципиально иной взгляд на побудительные причины движения декабристов: «Злоумышленники думали также, что найдут себе пособие и в общем расположении умов. Слыша ропот, жалобы на злоупотребления, беспорядки во многих частях управления, на лихоимство, почти всегда не наказанное и даже не замечаемое начальством, на медленность и неправильность в течении дел, на несправедливости в приговорах судебных, и в награждениях по службе, и в назначении к должностям, на изнеможение главных отраслей народной промышленности, на чувствительное обеднение и самых богатейших классов, которые в досаде каждый приписывает более или менее мерам правительства, они воображали, что все, быть может, с излишнею нескромною живостию изъяслявшие неудовольствие, пристанут к ним и уже в душе их сообщники»⁴.

Манифест от 13 июля, рисуя образ преданного престолу и любящего монархов русского народа, выражал уверенность в незыблемости вековых устоев самодержавия. «Сердце России для него (заговора. — В.Г.) было и всегда будет неприступно. Не посрамится имя Русское изменою Престолу и Отечеству». «В государстве, где любовь к Монархам и преданность Престолу основаны на природных свойствах народа, где есть отечественные законы и твердость в управлении, тщетны и безумны всегда будут все усилия злонамеренных; они могут таиться во мраке, но при первом появлении отверженные общим негодованием они сокрушатся силою закона»⁵.

Данные тезисы несколько позже получили свое развитие и нашли воплощение в теории, именуемой в литературе «теорией официальной народности» и связанной с именем Сергея Семеновича Уварова (часто пишут — «графа С.С. Уварова», хотя в графское достоинство он был введен в 1846 г., уже после создания теории).

Обстоятельный анализ исторических исследований, связанных с Уваровым и его теорией, дан, на мой взгляд, в работе И.Л. Качалова⁶.

⁴ Цимбаев Н.И. Указ. соч. С. 7.

⁵ Процесс декабристов... С. 118, 119.

⁶ Качалов И.Л. Идеология официальной народности: историография и стереотипы общественного сознания // Исторические аспекты политической теории: материалы научно-методического семинара. Республика Беларусь, Минск, 28 февраля 2018 г. Минск, 2018. С. 28–35.

С.С. Уваров

Анализу работ, связанных с теорией С.С. Уварова, уделили внимание также другие авторы⁷. Они отметили, что, хотя выдвинутая Уваровым триада «православие, самодержавие, народность» привлекала и продолжает привлекать внимание многих исследователей, работ, посвященных истокам уваровской доктрины, немного, как и работ, связанных с ее практическим применением.

Из авторов, изучавших генезис доктрины Уварова, следует отметить А.Л. Зорина, который в одной из своих статей попытался определить, как повлияло на Уварова учение немецких романтиков⁸.

Механизм внедрения теории официальной народности рассматривается в уже упомянутой работе С.В. Удалова, который отмечает, что идеология требует не только теоретической разработки, но и практических действий, направленных на пропаганду основных идей, заложенных в самой доктрине, на проникновение их в общественное сознание. В противном случае возникшая на официальном уровне идеология ри-

⁷ Иванов О.А. Идеология «православие, самодержавие, народность» С.С. Уварова // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Вып. 1. Воронеж, 2001. С. 92–110; Удалов С.В. Теория официальной народности: механизмы внедрения // Освободительное движение в России. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 21. Саратов, 2006. С. 73–81.

⁸ См.: Зорин А.Л. Идеология «православия — самодержавия — народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 105–128.

скует остаться лишь отвлеченной идеей, отнюдь не влияющей на состояние и развитие всех сфер жизни общества.

Попытаемся проанализировать личность С.С. Уварова, логику его рассуждений и степень отражения его теорией исторических, политических и ментальных реальностей России.

Сергей Семенович Уваров (1786–1855) получил серьезное домашнее образование, слушал лекции в Геттингенском университете в Германии. Занимаясь изучением античности и древних языков, написал ряд работ по археологии и древнегреческой литературе. Общался со многими литераторами (Н.М. Карамзиным, В.А. Жуковским, братьями А.И. и Н.И. Тургеневыми), входил в литературно-общественный кружок «Арзамас». Нахождение на дипломатической службе позволило ему познакомиться со многими выдающимися людьми: немецким ученым А. Гумбольдтом, писателем и мыслителем И. Гете, французской писательницей Ж. де Сталь. Разносторонняя образованность Уварова отмечается его многими современниками⁹. Даже ироничный А.И. Герцен, который редко хорошо отзывался о представителях правительственного лагеря, вспоминал: «Он удивлял нас своим многоязычием и разнообразием всякой всячины, которую знал; настоящий сиделец за прилавком просвещения, он берет в памяти образчики всех наук...»¹⁰

В эпоху Александра I Уваров слыл либералом. В 1813–1815 гг. он издал на французском языке несколько историко-публицистических брошюр, обращенных к европейскому общественному мнению, где идейно обосновывалась необходимость борьбы с Бонапартом. В 1814 г. Уваров выражал надежду, что «цари и народы на могиле Бонапарта совместно принесут в жертву деспотизм и народную анархию». Не будучи республиканцем и тем более революционером, он в либеральном духе выступал за легитимное правление, где «мощные барьеры обеспечивают гражданские свободы личности».

В 1818 г. в речи студентам Главного педагогического института Уваров указывал на изначальную связь истории России с историей Европы. Политическую свободу Уваров называл «последним и прекрасным даром Бога». Эта речь, являвшаяся ответом на речь Александра I при открытии Польского сейма в Варшаве, отразила веру Уварова в исторический прогресс, в его неотвратимость.

⁹ См.: Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. М., 1991. С. 25; Герцен А.И. Былое и думы. Минск, 1971. С. 131.

¹⁰ Герцен А.И. Указ. соч. С. 131.

После 14 декабря 1825 г. либерализм Уварова улетучился. Он становится подлинным столпом официальной политики в области идеологии и культуры¹¹.

На протяжении своей жизни Уваров занимал ряд постов. Рано начав службу — в 1801 г. в Коллегии иностранных дел юнкером, в 1810 г. он становится попечителем Петербургского учебного округа, а в 1818 г. — президентом Академии наук. При нем увеличилась численность академиков, а также проведено новое разделение Академии по наукам в связи с развитием научных направлений. С 1832 г. его деятельность связана с Министерством народного просвещения: сначала — в качестве товарища министра, а с 1833 по 1849 г. — министра народного просвещения России. К сожалению, его деятельность на этом посту часто интерпретируется как односторонне-консервативная. Между тем такой известный российский либерал, как Б.Н. Чичерин, считал, что Уваров был единственным из всего длинного ряда министров народного просвещения, следовавших друг за другом в XIX в., который заслуженно занимал это место. «Управляя народным просвещением в течение 15 лет, он старался возвести его на ту высоту, на которую было возможно поставить его при тогдашнем направлении правительства»¹².

Действительно, Уваров любил и понимал вверенное ему дело. Он интересовался преподаванием, часто приглашал к себе профессоров Московского университета и просил их читать лекции в его маленьком обществе. Он был инициатором чтения студентами Московского университета пробных лекций вместо профессоров. Во многом позитивный характер носила конкретная практическая деятельность Уварова в сфере среднего образования: открывались новые гимназии, складывался штат преподавателей и т.п. Любопытно, что одним из главных поводов к отставке Уварова явилась публикация в журнале «Современник» инспирированной им статьи в защиту российских университетов, которая разгневала Николая I¹³. Уварова сменил реакционер А.А. Ширинский-Шихматов, который, в отличие от своего предшественника, действовал совершенно однозначно.

Вместе с тем просвещенному уму Уварова не соответствовал его характер, который, по воспоминаниям современников, был далеко

¹¹ Подробнее об эволюции взглядов С.С. Уварова см.: Цимбаев Н.И. Указ. соч. С. 25–27.

¹² Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть II... С. 25.

¹³ См.: Нифонтов А.С. Россия в 1848 году. М., 1949. С. 279–281.

не стойкий, мелочный, податливый на личные отношения. Николай I он боялся как огня, его трясла лихорадка всякий раз, когда приходилось являться к царю с докладом. Он сам говорил часто, что, «управляя государством, он находился в положении человека, который, убегая от дикого зверя, бросает ему одну за другой все части своей одежды, чтобы чем-нибудь его занять, и рад, что сам, по крайней мере, остался цел»¹⁴. Не самые лучшие черты характера Уварова обыгрываются в известном стихотворении А.С. Пушкина «На выздоровление Лукулла». Сюжет этой довольно злой сатиры прост: умирает молодой богач, и его наследник, не дожидаясь смерти, печатывает сургучом замки его конторы, приговаривая при этом:

«Теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможей буду тож; ...
Теперь мне честность — трын-трава!
Жену обсчитывать не буду
И воровать уже забуду
Казенные дрова!»¹⁵

Но богач выздоравливает. Все радуются, а посрамленного наследника прогоняют. Общественное мнение легко узнало в этом сюжете известного богача Д.Н. Шереметева, который неожиданно поправился после тяжелой болезни, и С.С. Уварова, который должен был наследовать бездетному Шереметеву и, получив непроверенное известие о смерти, поспешил опечатать его имущество. Эта скандальная история широко разнеслась по Петербургу.

Перейдем к характеристике вклада Уварова в формирование официальной идеологии самодержавия. Почему министр народного просвещения оказался причастен к чисто политическому процессу? Дело в том, что он отвечал не только за уровень образования, но и за политическую лояльность молодежи, которая, особенно студенчество, считалась потенциально неблагонадежным элементом. Поэтому перед Уваровым встала задача — сконструировать идеологию, методику образования и воспитания, которые помогли бы молодежи избежать нежелательного для правительства влияния революционных и либеральных доктрин.

Тем не менее первым шагом Уварова на посту товарища министра, а затем и министра народного просвещения стало отнюдь не конструи-

¹⁴ Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть II... С. 25.

¹⁵ Пушкин А.С. Соч. в 3 т. Т. I. М., 1958. С. 381.

рование соответствующей идеологии и методики, а «очищение» Петербургского университета, выразившееся в увольнении ряда профессоров, а также ревизия Московского университета. Это объясняется стремлением восстановить порядок, поколебленный студенческими волнениями 1830–1831 гг. («маловская история», «сунгуровское дело», «дело Костенецкого»). Данные события далеко не всегда носили политический характер. Например, «маловская история» была коллективным протестом студентов против бездарного профессора М.Я. Малова. Сунгурову и Костенецкому инкриминировались не столько действия, сколько намерения составить тайное общество, преступные разговоры¹⁶. Но, по всей видимости, николаевский режим, напуганный событиями 14 декабря 1825 г., вознамерился установить жесткий контроль над образом жизни студентов и решил, что здесь лучше «пересолить», чем «недосолить». И Уварову, как государственному чиновнику, пришлось встраиваться в этот тренд.

Дело в ту пору дошло, например, до того, что сам Николай I накануне своей коронации посетил Московский университет, причем, по свидетельству впоследствии знаменитого врача Н.И. Пирогова (тогда студента медицинского отделения), пошел прямо в студенческие комнаты и велел переворачивать тюфяки на студенческих кроватях. По поводу обнаруженных под одним из тюфяков вольнодумных стихов поэта А.И. Полежаева Николай заявил о том, что это следы, последние остатки бунта, которые он искоренит¹⁷.

О том, как Николай I искоренял «последние остатки», сохранилось весьма красноречивое свидетельство А.И. Герцена — дополнительная глава «А. Полежаев», приведенная в первой книге «Былого и дум». Она настолько ярко передает и личность, и деятельность Николая, и дух николаевской эпохи, что ее, на мой взгляд, следует привести максимально подробно. (При этом важно подчеркнуть, что ждать от мемуаров Герцена какой-либо объективности нельзя. Он, будучи человеком рано сформировавшихся революционных убеждений, дает резко критичный образ российской власти. Тому есть и личные причины. Николай I в значительной степени поломал ему жизнь — ссылкой в Пермь и Вятку, а впоследствии и принуждением к эмиграции. Но знание этой субъективной составляющей помогает, не претендуя

¹⁶ О студенческих волнениях 1830–1831 гг. подробнее см.: *Герцен А.И.* Указ. соч. Ч. I. Гл. VI.

¹⁷ См.: *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 14. Полностью фраза Николая I приведена ниже.

на целостный портрет российской власти, восстановить тот его сегмент, который открывался взору революционно настроенной интеллигенции.)

«Осенью 1826 г. Николай, повесив Пестеля, Муравьева и их друзей, праздновал в Москве свою коронацию. Для других эти торжества бывают поводом амнистий и прощений; Николай, отпраздновавши свой апофеоз, снова пошел “разить врагов отечества”...

Тайная полиция доставила ему поэму Полежаева...

И вот в одну ночь, часа в три, ректор будит Полежаева, велит одеться в мундир и сойти в правление. Там его ждет попечитель. Осмотрев, все ли пуговицы на его мундире и нет ли лишних, он без всякого объяснения пригласил Полежаева в свою карету и увез.

Привез он его к министру народного просвещения. Министр сажает Полежаева в свою карету и тоже везет, — но на этот раз уж прямо к государю.

Князь Ливен¹⁸ оставил Полежаева в зале, — где ждали несколько придворных и других высших чиновников, несмотря на то, что был шестой час утра, — и пошел во внутренние комнаты. Придворные вообразили себе, что молодой человек чем-нибудь отличился, и тотчас вступили с ним в разговор. Какой-то сенатор предложил ему давать уроки сыну.

Полежаева позвали в кабинет. Государь стоял, опершись на бюро, и говорил с Ливеном. Он бросил на взошедшего испытующий и злой взгляд, в руке у него была тетрадь.

— Ты ли, — спросил он, — сочинил эти стихи?

— Я, — отвечал Полежаев.

— Вот, князь, — продолжал государь, — вот я вам дам образчик университетского воспитания, я вам покажу, чему учатся там молодые люди. Читай эту тетрадь вслух, — прибавил он, обращаясь снова к Полежаеву.

¹⁸ Из текста главы «А. Полежаев» можно понять, что министром народного просвещения в то время (а событие, описанное А.И. Герценом, произошло в 1826 г.) был князь К.А. Ливен. На самом деле он был тогда попечителем Дерптского учебного округа (министром он станет в 1828 г., а в 1833 г. его сменит С.С. Уваров). Министром же в 1826 г. был А.С. Шишков, который по фамилии в тексте не называется. Впрочем, Герцен и Ливена прямо не назвал министром. Есть основание предположить, что Ливен присутствовал при разговоре Николая I с Полежаевым, но не как министр, а как попечитель учебного округа. Определенная путаница с чинами и деталями объясняется тем, что мемуары были написаны примерно 30 лет спустя описываемых событий.

Волнение Полежаева было так сильно, что он не мог читать. Взгляд Николая неподвижно остановился на нем. Я знаю этот взгляд и ни одного не знаю страшнее, безнадежнее этого серо-бесцветного, холодного, оловянного взгляда, — пояснял Герцен.

— Я не могу, — сказал Полежаев.

— Читай! — закричал высочайший фельдфебель.

Этот крик воротил силу Полежаеву, он развернул тетрадь. “Никогда, — говорил он, — я не видывал ‘Сашку’ так переписанного и на такой славной бумаге”.

Сначала ему было трудно читать, потом, одушевляясь более и более, он громко и живо дочитал поэму до конца. В местах особенно резких государь делал знак рукой министру. Министр закрывал глаза от ужаса.

— Что скажете? — спросил Николай по окончании чтения. — Я положу предел этому разврату, это все еще *следы, последние остатки*; я их искореню. Какого он поведения?

Министр, разумеется, не знал его поведения, но в нем проснулось что-то человеческое, и он сказал:

— Превосходнейшего поведения, Ваше Величество.

— Этот отзыв тебя спас, но наказать тебя надобно, для примера другим. Хочешь в военную службу? <...>

Полежаева отправили на Кавказ; там он был произведен за отличие в унтер-офицеры. Годы шли и шли; безвыходное, скучное положение сломило его; сделаться полицейским поэтом и петь доблести Николая он не мог, а это был единственный путь отделаться от ранца. (Имеется в виду солдатский ранец; избавиться от ранца — избавиться от солдатской службы. — В.Г.)

Был, впрочем, еще другой, и он предпочел его: он пил для того, чтоб забыться. Есть страшное стихотворение его “К сивухе”.

Он перепросился в карабинерный полк, стоявший в Москве. Это значительно улучшило его судьбу, но уже злая чахотка разъедала его грудь. <...> Помаялся он еще года четыре и умер в солдатской больнице.

Когда один из друзей его явился просить тело для погребения, никто не знал, где оно; солдатская больница торгует трупами, она продает их в университет, в медицинскую академию, вываривает скелеты и проч. Наконец, он нашел в подвале труп бедного Полежаева, — он валялся под другими, крысы объели ему одну ногу.

После его смерти издали его сочинения и при них хотели приложить его портрет в солдатской шинели. Цензура нашла это неприлич-

ным, и бедный страдалец представлен в офицерских эполетах — он был произведен в больницы»¹⁹.

Уваров не переворачивал тюфяков на студенческих кроватях в поисках крамолы, подобно Николаю I. Но он желал постичь причины «своевольтства» студентов, придумать свой способ борьбы с ним. Он прекрасно понимал, что никакие репрессивные меры к участникам антиправительственных выступлений — ни арест, ни ссылка, ни каторга не помогут, так как это будет борьба со следствием, а надо искоренять причину. Самый надежный способ удержать молодежь от участия в революционном движении — дать ей такое воспитание, при котором она сама не захочет пойти в революцию. Отсюда — стремление создать для России своего рода «умственные плотины», долженствующие отгородить российское общество от влияния Запада.

На мой взгляд, логика рассуждений С.С. Уварова наиболее точно показана Н.И. Цимбаевым²⁰.

В отличие от Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Уваров вовсе не считал общественное безмолвие свидетельством полного контроля власти над образом мыслей людей, показателем отсутствия инакомыслия. Изучив «сунгуровское дело», в особой записке Уваров отметил «совершенный недостаток настоящего воспитания» и развил положения Манифеста от 13 июля 1826 г. о необходимости «нравственного воспитания» молодых людей. Размышления о политической благонадежности он заключил выводом: «Не ученость составляет доброго гражданина, верноподданного своему государству, а нравственность его и добродетели. Они служат первым и твердым основанием его общественного благосостояния»²¹. Уваров, внесший свой вклад в развитие народного образования, в вопросе о высшем образовании приносил образованность в жертву политической благонадежности.

Отчет Уварова о ревизии Московского университета был представлен Николаю I. Стержнем уваровского отчета стала мысль о необходимости всю идейную и культурную жизнь России «нечувствительно привести к той точке, где сольются твердые и глубокие знания» с «глубоким убеждением и теплою верою в истинно русские хранительные начала

¹⁹ Герцен А.И. Указ. соч. С. 163–165.

²⁰ См.: Цимбаев Н.И. Указ. соч. С. 27–30.

²¹ Там же. С. 27.

православия, самодержавия, народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества»²². В этих словах сформулирована суть официальной идеологии николаевского времени.

Наиболее полно Уваров изложил свою теорию во всеподданнейшем докладе Николаю I, где содержался обзор деятельности Министерства народного просвещения за 1833–1843 гг. — своего рода итог «уваровского десятилетия». В этом документе Уваров так сформулировал стоящую перед ним самим и его ведомством задачу: «Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, в виду печальных явлений, окружающих нас со всех сторон, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благополучие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные останки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения»²³.

Русскими национальными началами, без которых страна «не может благоденствовать, усиливаться, жить», Уваров провозгласил православие, самодержавие и народность. Говоря о православии, Уваров отмечал, что русский народ искренно и глубоко привязан к церкви своих отцов, что он всегда взирал на нее как на залог общественного и семейного счастья. Самодержавие, по мнению Уварова, составляет главное условие политического существования России, русский колосс упирается на нем как на краеугольном камне своего величия. Понятие «народность» было сформулировано Уваровым менее четко. Он подчеркнул, что затруднение заключается в соглашении древних и новых понятий, но народность не требует идти назад или останавливаться, не требует неподвижности в идеях. Достаточно, если сохранить неприкосновенным святилище наших народных понятий, если принять их за основную мысль правительства²⁴.

В литературе доктрина Уварова получила название «теория официальной народности». Следует, по-видимому, согласиться с точкой зрения Н.И. Цимбаева, что это название хоть и повсеместно распространено, но неточное и даже вводящее в заблуждение.

²² Там же. С. 28.

²³ Там же. С. 29.

²⁴ См.: Там же. С. 29–30.

Действительно, совсем не идея народности, хотя бы в ее консервативном варианте, воодушевляла Уварова. Примечательно, что он сам столь затруднялся именно в определении народности, а его многочисленные последователи свели народность к немногим элементарным понятиям — покорности, терпению, послушанию властям. И народность, и православие в этой триаде — лишь подпорки для самодержавия, а самодержавие базируется у Уварова на идее национальной исключительности и имперского превосходства России. В доктрине Уварова нашла отражение главная линия николаевской политики — принципиальное политическое и идейно-культурное противопоставление России и Европы²⁵.

Таким образом, эта теория — скорее теория казенного патриотизма и изоляционизма. Недаром в эпоху Николая I так сильны были казенно-патриотические настроения. Недаром сам Уваров так сформулировал цель официальной идеологии: «Изгладить противоборство так называемого европейского образования с потребностями нашими; исцелить новейшее поколение от слепого, необдуманного пристрастия к поверхностному и иноземному, распространяя в оных душах радушное отношение к отечественному... оценить с точностью все противоположные элементы нашего гражданского образования, все исторические данные, которые стекаются в обширный состав империи, обратить сии развивающиеся элементы и пробужденные силы, по мере возможности, к одному знаменателю; наконец, искать этого знаменателя в тройственном понятии *православия, самодержавия и народности*»²⁶. (Попутно отметим, что Уварову так понравилась эта триединая формула, что, получив титул графа, он внес ее в дарованный ему герб.)

Знаменитая уваровская триада «православие, самодержавие, народность» до конца существования монархии в России стала основой правительственной идеологии. Но насколько точной и насколько эффективной она была хотя бы для реализации интересов самого самодержавия?

Следует отметить, что сама по себе постановка задачи выделения российских национальных начал, составляющих отличительный характер страны, представляется весьма продуктивной. Ни один серьезный политик не может себе позволить игнорировать черты, исключительно принадлежащие его стране. Вопрос в том, насколько точно определены

²⁵ Там же. С. 30–31.

²⁶ Там же. С. 30.

эти черты, эти начала; насколько теории Уварова удалось отразить отличительный характер России.

Думается, что Уварову не удалось удовлетворительно решить эту задачу, хотя сформулировал он ее весьма обоснованно. На первый взгляд Уваров был прав, так как русский народ действительно долгие века жил при православии и самодержавии. Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что за национальные начала здесь выдаются внешние формы организации общественной жизни или просто привычки, традиции.

Об этом говорит, например, тот факт, что самодержавие, формировавшееся в течение веков, рухнуло за считанные дни Февральской революции 1917 г. Оно перестало соответствовать потребностям развития страны, не смогло в соответствии с механизмом теории Уварова перестроить систему воспитания и образования, не справилось с подъемом революционного движения. Первая мировая война послужила катализатором экономического и политического кризиса. В этой ситуации никакие «умственные плотины» уже не могли помочь.

Примечательно, что падение монархии было воспринято спокойно. Более того, значительная часть общества связывала с этим большие надежды. А те, кто так или иначе был связан с престолом, не только не выступили в защиту своего государя, но и дистанцировались от него. Многие просто боялись показаться оппозиционно настроенными по отношению к новой власти.

В связи с этим приведем известные воспоминания о том, как поезд с арестованным уже Николаем II прибывал в Царское Село. Находящиеся на перроне люди, имевшие то или иное отношение к императорскому двору, при приближении поезда бросились, как говорится, врассыпную. Они боялись, что кто-то из представителей новой власти (заметим, существующей всего несколько дней и весьма слабой) расценит их присутствие во время прибытия поезда как признак нелояльности. Какая уж тут верноподданность.

Поэт А. Несмелов, пришедший в литературу через фронты Первой мировой и Гражданской войн, считающийся «лучшим поэтом русского Харбина», узнав о расстреле в 1918 г. императора и его семьи, написал следующие строки:

«Сколько было убийц? Двенадцать,
Восемнадцать иль тридцать пять?
Как же это могло так стать —
Государя не отстоять?

Только горсточка этот ворог,
Как пыльцу бы его смело:
Верноподданными — сто сорок
Миллионов себя звало...»²⁷

Но таких искренних, убежденных монархистов было немного.

Как ни странно, но весьма спорен, например, вопрос о религиозности русского народа. На этот счет существуют различные точки зрения. Например, В.Г. Белинский в своем знаменитом письме Н.В. Гоголю от 15 июля 1847 г. высказал такое мнение по этому вопросу: «По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе задницу. ...Приглядитесь попристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. ...Мистическая экзальтация вовсе не в его натуре, у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем»²⁸.

Оставив в стороне вопрос о «ясности и положительности в уме» и об огромности «исторических судеб его в будущем», подчеркнем, что существует крайне мало примеров сопротивления репрессиям советского государства против религии и церкви. Отдельные служители церкви и религиозные диссиденты не меняют картины в целом.

Следовательно, можно сделать вывод, что выделение в уваровской триаде определяющих черт русского народа соответствовало не столько реальному положению вещей, сколько желанию власти услышать нечто удобное и приятное для себя. Концепция русского народа у Уварова и его последователей включала в себя народные черты, весьма удобные для самодержавной власти: привязанность к православной церкви (церковь в этом контексте воспринималась как опора для власти), любовь к монархам и преданность престолу, государственность, неприязнь к европейским политическим традициям — свободе, демократии, правам человека и т.п.

С таким народом власти, конечно, было бы очень легко: ни конституции, ни парламента он не потребует, царя в борьбе со всякими

²⁷ Цит. по: Литвиненко И. Поэт Арсений Несмелов: Верноподданными — сто сорок миллионов себя звало... // Родина. 2017. № 4. С. 32.

²⁸ Белинский В.Г. Избранные статьи. М., 1986. С. 188–189.

крамольниками и смутьянами поддержит, жизнь свою за Веру, Царя и Отечество не задумываясь отдаст... Вот только не было в реальной жизни такого народа. Это подтверждает весь ход исторических событий в России, как до Уварова, так и после него. И бунтовал народ, и свержение монархии в результате Февральской революции перенес спокойно и даже радостно, и на защиту православной церкви от большевиков решительно не выступил (и это тот народ, который, по мнению официальных идеологов самодержавия, ни дня не может прожить без православной церкви и монархии). Никакие ссылки на заразу, извне привнесенную и поразившую здоровое тело русского народа (к чему прибегали идеологи самодержавия), здесь ничего не объясняют, ибо никакая злобная доктрина не могла бы сделать с Россией того, что с ней случилось в XX в., если бы на то не было внутренних причин.

Таким образом, охранительная концепция национальных начал и внешних причин революционных выступлений в России была не просто поверхностной и самоуспокоительной, но и весьма опасной, в первую очередь для самой власти. Опираясь на нее, российские правители часто принимали неадекватные обстановке решения, вставали на опасный путь изоляционизма и охранительности, что, в конечном счете, дестабилизировало обстановку и, как это ни парадоксально, лишь ускоряло то, что власть пыталась отодвинуть, а именно — революционные потрясения.

В эпоху Александра II произошла значительная либерализация режима. Правительство, проводя реформаторский курс, уже не так активно пользуется догматами самодержавной идеологии. В обществе появляются конституционные ожидания. Происходит поляризация газет и журналов. В этих условиях возникает консервативная оппозиция правительству, которая в значительной степени опирается на традиционную идеологию самодержавия, в том числе на доктрину Уварова. Одним из наиболее активных выразителей такой линии, внесшим существенный вклад в дальнейшее формирование идеологии самодержавия, был Михаил Никифорович Катков (1818–1887).

Существует довольно много публикаций, связанных с Катковым — как работ его самого, так и аналитических исследований о его взглядах и деятельности. Уже в 80–90-х гг. XIX в. были опубликованы различные сборники написанных им передовиц в газете «Московские ведомости», в том числе 25-томное издание передовых статей в данной газете за пе-

риод с 1863 по 1887 г.²⁹ В начале XX в. вышли сборники его работ о самодержавии, конституции и о церкви³⁰. Тематические сборники трудов Каткова издаются и в настоящее время³¹.

Одними из первых исследователей взглядов М.Н. Каткова были Р.И. Сементковский³² и Н.А. Любимов³³. Понятно, что в дореволюционной литературе о Каткове значительное место занимали труды апологетического характера, к каковым можно отнести упомянутую работу Н.А. Любимова, человека, близкого к нему по взглядам, бывшего одним из ведущих сотрудников как в «Московских ведомостях», так и в «Русском вестнике» (под псевдонимом Варфоломей Кочнев). По-видимому, как реакцию на апологетическую литературу следует рассматривать работу Р.И. Сементковского, в которой делается акцент на негативных личных качествах Каткова — его приспособленчестве, умении подлаживаться к «верхам» и перестраиваться в соответствии с правительственными настроениями.

В советский период долгое время творчество Каткова как реакционера и сторонника самодержавия не анализировалось. В 70-е гг. XX в. тем не менее вышли обстоятельные исследования В.И. Китаева и В.А. Твардовской³⁴. В отечественной историографии XXI в. изучение идейного наследия Каткова продолжается³⁵.

Более того, в настоящее время можно говорить о возросшем научном и публицистическом интересе к Каткову как к крупной фигуре в российской идеологии XIX в. К сожалению, этот интерес не свободен от крайностей политического дискурса. Стремление многих акторов

²⁹ Катков М.Н. Собрание передовых статей по польскому вопросу 1863–64. В 3 т. М., 1887; Он же. Собрание передовых статей Московских ведомостей [1863–1887]. В 25 т. М., 1897–1898.

³⁰ Катков М.Н. О самодержавии и конституции. М., 1905; Он же. О церкви. М., 1905.

³¹ Катков М.Н. Имперское слово. М., 2002; Он же. Идеология охранительства. М., 2009; Он же. Империя и крамола. М., 2012.

³² Сементковский Р.И. М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1892.

³³ Любимов Н.А. М.Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889.

³⁴ Китаев В.А. От фронды к охранительству (из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века). М., 1972; Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978.

³⁵ Брутян А.А. М.Н. Катков: социально-политические взгляды. М., 2001; Кантор В.К. О судьбе имперского либерализма в России (М.Н. Катков) // Философские науки. 2007. № 2. С. 66–91; Санькова С.М. Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историко-графический аспект. СПб., 2007; и др.

М.Н. Катков

современной общественно-политической ситуации найти в русских консерваторах XIX–XX вв. некую основу чуть ли не для новой государственной идеологии приводит к тенденциозности и идеализации данных фигур. Подобная история в начале 2000-х гг. произошла с И.А. Ильиным, которого довольно односторонне изображали консерватором и этатистом, упрощая тем самым его теоретическое наследие³⁶. Сейчас, на мой взгляд, нечто подобное происходит с Катковым. Разумеется, возвращение внимания к крупному российскому мыслителю после долгих лет забвения является морально оправданным и справедливым. Но при этом не следует забывать, что имперство остается имперством, ура-патриотизм — ура-патриотизмом, а черносотенство — черносотенством, и никакие актуальные потребности оправдывать подобные моменты не должны.

Поэтому, на мой взгляд, работы 1970-х гг. о Каткове, в первую очередь В.А. Твардовской, сохраняют свою актуальность благодаря привлечению широкого круга источников, основательности и свободе от апологетизации предмета исследования. А вот ряд современных трудов на эту тему написан, как говорится, на злобу дня, причем чрезмерно. Так,

³⁶ Подробнее об этом см.: Голыцов В.И. Первая мировая война и формирование мировоззрения русских интеллектуалов консервативного направления XX века (на материалах творчества И.А. Ильина) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Электронный сборник. Вып. 2. Самара, 2014. С. 174–184. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/sbornik.html?cid=11> (дата обращения: 17.11.2021).

например, творчество Каткова вписано в концепцию русского национализма, носящего не консервативный, а радикальный, субверсивный и даже революционный характер, бросающего вызов империи, угнетавшей русский народ³⁷. Выводя за скобки оценку русского национализма, следует подчеркнуть, что изображение Каткова как идеолога, бросающего вызов империи, совсем не соответствует действительности.

Рассмотрим жизнь и деятельность М.Н. Каткова. Он родился в семье мелкого канцелярского чиновника. Отец умер рано, семья познала бедность, граничащую с нуждой. Тем не менее Каткову удалось получить образование. Он окончил словесное отделение Московского университета, совершенствовал свое образование за границей, занимался философией и филологией. После защиты диссертации в 1845 г. получил в Московском университете должность адъюнкта по кафедре философии. Читал историю философии на словесном отделении и логику на юридическом, по воспоминаниям студентов тех лет — весьма непонятно. Вот одно из свидетельств: «Я ничего подобного в университете не слышал. Мне доводилось слышать курсы пошлые, глупые, пустые; но курса, в котором никто ничего не понимал, я другого не слышал. И это было не случайное, а обычное явление. Катков читал уже второй год. Предшествующий нам курс слушал его в течение двух полугодий, и никто из слушателей не понял ни единого слова из всего того, что читал профессор, так что когда наступил экзамен, он всем должен был поставить по 5; ибо студенты во все не были виноваты в том, что отвечали совершеннейшую чепуху»³⁸.

С кафедры Катков вынужден был уйти в конце 1840-х гг., когда началось так называемое «мрачное николаевское семилетие» и было издано правительственное распоряжение о том, что должности по кафедрам философии могут занимать только профессора богословия. Так закончилась его преподавательская карьера.

В 1851 г. Катков становится редактором газеты «Московские ведомости» (формально являющейся органом Московского университета). С 1856 г. он еще редактор и издатель журнала «Русский вестник».

И хотя других постов в своей жизни он не занимал, Катков стал одним из весьма влиятельных политиков, не только имевшим доступ в высшие сферы власти и отражавшим правительственную политику, но и в значительной степени формировавшим эту политику.

³⁷ См.: Соловей Т.Д., Соловей В.Д. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. М., 2009. С. 97–99.

³⁸ Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть II... С. 47.

Катков проделал огромную идейно-политическую эволюцию. Начав как западник, англоман и либерал, он совершил в начале 1860-х гг. крутой поворот и в последующие годы выражал крайне правую, национал-государственную точку зрения, выступал как консервативный националист и сторонник неограниченного самодержавия. Эта эволюция тем более удивительна, что в бытность свою либералом Катков разошелся с соратниками по «Русскому вестнику» Чичериным и Коршем потому, что те признавали большую роль государства, а Катков, по их словам, старался «государственную деятельность низвести до пределов самой крайней необходимости». В статьях, написанных от имени редакции, Катков буквально проповедовал, что государство «имеет право сказать *не трогай*, но не имеет право сказать *давай*». Катков отстаивал принцип полного невмешательства государства³⁹. В результате же эволюции Катков стал превозносить исключительно правительственную деятельность, а общественную свободу ставил ни во что и старался при всяком случае показать ее полную несостоятельность⁴⁰.

Многие исследователи связывают идейно-политическую эволюцию Каткова с Польским восстанием 1860-х гг., которое заставило его пересмотреть свои взгляды. В польском вопросе Катков настолько резко нападал на правительство, обвинял его в мягкотелости, выискивал агентов польского влияния и чуть ли не польских шпионов, что его газета получала предупреждения Министерства внутренних дел и даже на время закрывалась. Конечно, не следует переоценивать антагонизм Каткова и властей, так как он в это время чувствовал себя весьма уверенно, позволял себе не выполнять распоряжения министерства и т.п.

Причины идейно-политической эволюции Каткова — сюжет для отдельного разговора. В контексте заявленной темы важнее рассмотреть его вклад в развитие охранительной идеологии, тем более что по многим вопросам Катков стал занимать гораздо более правую позицию, чем правительство, был, если можно так выразиться, самодержавнее самого самодержца.

Рассмотрим идеологию самодержавия в трактовке М.Н. Каткова. Анализ источников и литературы по этой теме позволяет сделать вывод, что он воспринимал самодержавие как высшую форму государственности, самый ценный итог русской истории и основу существования русского народа. По мнению Каткова, это единственно возможная в России

³⁹ Там же. С. 192.

⁴⁰ Там же. С. 193.

форма правления, органично связанная с национальной почвой. Допустимы все жертвы для ее сохранения.

Катков был убежденным противником конституционного строя. По его мнению, конституционный строй не подходит русскому народу не в силу политической отсталости последнего, а, наоборот, в силу его превосходства перед Западом.

Обоснование идеи самодержавия у Каткова не отличается сколь-либо принципиальной новизной. Он использовал при этом традиционные догматы, прежде всего — идею его божественного происхождения, божественного промысла как основы его деятельности, богопомазанничества царя. Поэтому все планы преобразования самодержавной власти объявлялись кощунственными, еретическими, святотатственными. Русский государь, по Каткову, отличается от других властителей мира. Он — не только государь своей страны, но и вождь своего народа, богом поставленный хранитель православной церкви, не только наследник предков, но и преемник кесарей. Катков подчеркивал, что самодержавие способно упразднить борьбу партий, объединить интересы, дать возможность реализации самоуправления. Эта традиционная для защитников монархической идеи мысль отвечала его политическим приоритетам — собиранию, усилению, централизации власти.

Опираясь на уваровскую триаду, Катков наполнил новым содержанием понятие народности. В его трактовке народность — это не просто исторически выработанное соответствие самодержавия с обычаями и традициями народа, но и поддержка народом данной власти, сознательное признание им этой власти своею, восприятие самодержавия как необходимости и блага⁴¹. Такая народность выдвигалась в противовес либеральным и демократическим традициям.

Эта, казалось бы, отвлеченная идея трансформировалась у Каткова в очень опасный тезис о ненависти народа к интеллигенции как к чуждой, враждебной силе, предающей народные интересы. Определяя протест интеллигенции против существующего строя как отрыв ее от «национальной почвы», «роковое несогласие ее с народом», Катков неизбежно должен был прийти к этому «открытию»⁴², впоследствии ставшему одним из краеугольных камней теории и практики черносотенства.

⁴¹ См.: Твардовская В.А. Указ. соч. С. 177.

⁴² Там же.

В этой связи характерен следующий факт. 3 апреля 1878 г. в Москву, в пересыльную тюрьму привезли 15 студентов Киевского университета, арестованных за волнения. Студенты Московского университета устроили демонстрацию солидарности с киевлянами, сопровождая кареты с заключенными. Около здания университета демонстранты были избиты торговцами Охотного Ряда — лавочниками, мясниками, зеленщиками. На следующий день в газете «Московские ведомости» Катков расценил этот случай как ответ русского народа на скандал избранной публики. «Неужели вы думаете, — обращался он к представителям демократических и либеральных кругов, — что наши народные массы будут равнодушны при демонстрациях подобного рода, как вчерашние? Если вы хотите жить в мире с русским народом, — поучал Катков, — не издевайтесь над его верованиями, не будьте бессознательным орудием врагов его отечества». Мнение охотнорядцев, будущих черносотенцев выдавалось, таким образом, за мнение всего русского народа⁴³.

Катков дал обоснование принципу всесословности. Она понималась как единение сословий пореформенного общества под эгидой самодержавия. Это единение не означало в его понимании ни отмены сословных границ, ни равенства сословий⁴⁴.

Большое, если не центральное место в трудах Каткова занимали вопросы функционирования империи. Если в теории Уварова проблема государства была затронута лишь мельком, то у Каткова этатизм вышел на первый план, стал центром его умопостроений. Для него было важно сохранение единства империи любой ценой, при этом он призывал действовать по принципу «цель оправдывает средства» и не испытывал никаких колебаний. В связи с Польским восстанием, на которое он отреагировал очень болезненно, 18 апреля 1863 г. он писал в «Московских ведомостях»: «Отныне для прекращения мятежа нужно не столько истребление шаек, сколько крепкая и надежная администрация края. Не все в Польше радуются восстанию. Напротив, большинство народонаселения страдает от мятежа и, без сомнения, желает, чтобы приняты были все нужные меры для ограждения собственности и жизни людей от терроризма революции»⁴⁵. 20 июня 1863 г., подталкивая правительство к жесткому подавлению сепаратизма, он сформулировал та-

⁴³ Там же. С. 175.

⁴⁴ Там же. С. 133.

⁴⁵ Катков М.Н. Слабы не силы наши, а слабы наши мнения. Необходимо подавить восстание // Катков М.Н. Имперское слово. М., 2002. С. 115.

кие устрашающие строки: «О полководце, покрывающем себя лаврами, не говорят, что он кровопийца; столь же мало заслуживает упрека в кровожадности сановник, приводящий в действие энергические меры...» А.И. Герцен, процитировав в «Колоколе» эти строки, охарактеризовал их как образчик литературы, где «чернила слишком близки к крови, а слова — к свинцу»⁴⁶.

Как объяснить выступление Каткова? Почему на защиту империи выступил газетно-журнальный издатель, посчитавший делом своей жизни защиту государства, частное лицо, почувствовавшее себя выразителем «русского государственного самосознания» (так называли его в посмертных панегириках)? Дело в том, что Катков был убежден в правоте принципа единства национальности и верховной власти. Поэтому он, отстаивая идею русского национального государства, выступал категорически против децентрализации и федерации, по сути, защищая лозунг «Россия едина и неделима», который впоследствии войдет в программы черносотенных партий.

Очень часто в статьях Каткова упоминался патриотизм, и сам он считал себя патриотом. Но можно с полной уверенностью утверждать, что любовь к родине у Каткова принимала крайне уродливые формы. Как точно отметил Б.Н. Чичерин, «святое чувство любви к отечеству было низведено им на степень чисто животного инстинкта, в котором исчезало всякое понятие о правде и добре и оставался один народный эгоизм, презирающий все, кроме себя. ...Все должно было безусловно преклоняться перед грубою силою русского государства, налагающего однообразную печать на все подчиненные ему жизненные сферы. Всякое самостоятельное проявление жизни считалось изменою; всякий возражатель объявлялся врагом отечества. Эта была та форма патриотизма, которая ближе всего подходила к самым пошлым воззрениям масс»⁴⁷.

Политическое мировоззрение Каткова дополняли его антизападничество и антилиберализм (на страницах катковских изданий постоянно утверждалось, что политическая система западноевропейских стран терпит крах, парламентаризм загнивает и т.п.), а также критическое отношение к реформам 1860–1870-х гг. Любопытно, что в отрицании буржуазно-демократических ценностей он смыкался со своими политическими противниками — революционерами, а отрицая реформы,

⁴⁶ См.: Твардовская В.А. Указ. соч. С. 31.

⁴⁷ Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть II... С. 124.

например судебную, забывал о своих прежних ссылках на народ и говорил, что общество непригодно к такой дарованной ему форме самоуправления, как суд присяжных⁴⁸.

Разумеется, М.Н. Катков не мог не коснуться проблемы образования. В этом вопросе он был продолжателем дела С.С. Уварова. И тот и другой считали, что без должной системы образования и воспитания молодежи, без искоренения из нее демократических и либеральных тенденций невозможно укрепление самодержавной власти.

И хотя у Уварова создание его теории начиналось с вопросов воспитания и образования, а у Каткова эта проблема не являлась точкой отсчета его рассуждений, он тем не менее много времени и сил отдал борьбе за реализацию своих педагогических идей.

Следует согласиться с мнением В.А. Твардовской о том, что Катков мечтал о такой воспитательной и образовательной системе, которая гарантировала бы прочную приверженность официальным догмам, без каких-либо колебаний в сторону от них, восприятие существующего строя без возможности усомниться в справедливости и правильности его устоев⁴⁹.

Поэтому Катков вел постоянную борьбу с разночинной демократической интеллигенцией, вырабатывающей общественное сознание, противоположное господствующей идеологии; стремился регулировать социальный состав обучающихся; всячески пытался как можно больше поддержать классическую систему образования с ее сосредоточенностью на древних языках и математике, при ограничении словесности и сокращении естественных наук; весьма активно способствовал ограничению прав университетов. Даже наука, по мнению Каткова, должна была развиваться сообразно потребностям самодержавия.

Деятельность Каткова в конце его жизни свелась к страстной защите русского царизма с его великодержавными устремлениями во вне и подавлением всякого инакомыслия внутри. Вот что в 1881 г. писал бывший борец с цензурой: «Толкуют о свободе печати, но не все отдают себе ясный отчет в том, что разуметь под этою свободой. Люди на общественных дорогах свободно ходят и ездят, и чем свободнее, тем лучше, но никому нельзя предоставить свободу бесчинствовать на улице и нападать на встречных. Охраняя общественные пути от физического

⁴⁸ Подробнее см.: Твардовская В.А. Указ. соч. С. 142–143.

⁴⁹ Там же. С. 149.

насилия, не обязано ли то же правительство охранять общество и от насилиий нравственных?»⁵⁰

Таким образом, в «теорию официальной народности» С.С. Уварова М.Н. Катков добавил моменты этатизма, имперства, русского национализма, а в части, касающейся проблем образования и науки — и просто мракобесия, и, таким образом, существенно ужесточил ее. Он не был, как другие идеологи самодержавия, склонен к компромиссам. В определенной степени Катков может считаться одним из предшественников черносотенства.

В либеральную эпоху Александра II Катков находился на правом полюсе политического спектра, развивая и отстаивая положения охранительной идеологии. Не будучи формально правительственными органами, «Московские ведомости» и «Русский вестник» воплощали именно официальную идеологию самодержавия, повторяя всю ее ограниченность. Так, Катков повторял сложившуюся ранее «охранительную» концепцию революционного процесса в России, полностью исключая его внутренние, социально-экономические причины. Источник смуты реакционная идеология видела в состоянии самой власти — в ее безволии, потворстве либерализму, готовности к уступкам, а также в чуждых, антигосударственных элементах — революционерах, демократах, учащейся молодежи и проч. Эта концепция, повторим, была очень непродуктивна, прежде всего для самой власти, так как подталкивала последнюю на стремление установить порядок в государстве не реформистскими, а полицейскими методами.

Разумеется, в целом Катков был фигурой не столь однозначной, каким он проявился в своих идейно-политических взглядах. Безусловно, следует не забывать его роль в истории русской литературы. В редактируемом им журнале были опубликованы почти все романы Достоевского, «Война и мир» и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, романы «Накануне», «Отцы и дети», «Дым» и другие произведения И.С. Тургенева, «Соборяне» и «Запечатленный ангел» Н.С. Лескова, «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина, а также произведения И.А. Гончарова, П.И. Мельникова-Печерского, А.Н. Майкова, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, А.Н. Плещеева, С.Т. Аксакова, исследования Ф.И. Буслаева, Я.К. Грота, И.Е. Забелина, С.М. Соловьева и других историков и филологов.

⁵⁰ Катков М.Н. Свобода и власть // Сайт: Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_svob_i_vlast.html (дата обращения: 10.11.2021).

Следует отметить, что, помимо прочих причин — литературных, личностных и других, несомненно, Каткова-редактора привлекала идеологическая составляющая многих авторов его журнала. Он и здесь оставался идеологом. Тютчев привлекал его апологией особого пути России, Лесков — своими антинигилистическими романами. Но особенно Катков тяготел к консервативному национализму Достоевского, его ксенофобии и, в частности, полонофобии, к призывам завоевать Константинополь ради торжества православной идеи, пусть даже при этом прольется кровь и т.п. Эти взгляды в первую очередь проявлялись, конечно, в публицистике Достоевского, прежде всего в его «Дневнике писателя», но при внимательном прочтении нетрудно заметить, что они присутствуют и в его художественной прозе⁵¹.

Но иногда все-таки получалось так, что Катков-редактор и Катков-идеолог начинали противоречить друг другу. Любопытный факт по этому поводу обнаружила В.А. Твардовская. Разбирая в одной из своих передовиц программу преподавания, составленную в Одесском учебном округе, Катков с негодованием перечислял имена писателей, значащихся там по разделу русской словесности. Среди них были многие авторы журнала «Современник», что возмутило Каткова, заявившего, что после такой программы нечего жаловаться на наш нигилизм⁵². Занятно, что в пылу полемики Катков упустил из вида, что одного из авторов, включенных в данной передовице в «черный список», а именно — И.С. Тургенева, он сам активно печатал в «Русском вестнике», в том числе и его романы далеко не консервативного направления — «Накануне», «Отцы и дети».

В конце XIX в. официальная идеология самодержавия, именуемая в работах западных историков как русский консервативный национализм, наиболее полно получила отражение в трудах Константина Петровича Победоносцева.

К.П. Победоносцев (1827–1907) — государственный деятель, пользующийся огромным влиянием при Александре III и Николае II и внесший существенный вклад в формирование внутривластной и идеологической линии самодержавия.

⁵¹ Подробнее см.: Гольцов В.И. Политико-пропагандистская составляющая российской исторической беллетристики (по материалам романа Ф.М. Достоевского «Бесы») // Люди и тексты. Исторический альманах. М., 2017. С. 244–272; Он же. Универсализм и ксенофобия в творчестве Ф.М. Достоевского. Тезисы доклада на Всероссийской научной конференции // Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследие. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2010. С. 132–133.

⁵² Твардовская В.А. Указ. соч. С. 152.

Труды К.П. Победоносцева издавались в конце XIX и в начале XX в., в том числе и при его жизни⁵³. Тогда же стали появляться первые биографические материалы о нем и аналитические работы, касающиеся различных аспектов его взглядов⁵⁴.

В советской историографии при оценке взглядов К.П. Победоносцева превалировал классовый подход⁵⁵. В литературе 90-х гг. XX в. и начала XXI в. его деятельность освещается с позиции церковно-государственных отношений⁵⁶, анализа правовых⁵⁷, социально-политических⁵⁸ и других аспектов его мировоззрения.

Следует особо подчеркнуть труды А.Ю. Полунова, детально проанализировавшего биографию Победоносцева, различные аспекты его мировоззрения и его место в социально-политической и духовной жизни России⁵⁹.

К.П. Победоносцев окончил престижное Петербургское училище правоведения и с 19 лет начал службу в московских департаментах Сената. Без

⁵³ Напр.: *Победоносцев К.П.* Московский сборник. Изд. К.П. Победоносцева, пятое, дополненное. М., 1901.

⁵⁴ См., напр.: *Глинский Б.Б.* Константин Петрович Победоносцев. (Материалы для биографии) // Исторический вестник. № 4. 1907. С. 247–274; *Гневушев М.В.* Константин Петрович Победоносцев. Киев, 1907; *Григоревский М.С.* Педагогические воззрения К.П. Победоносцева. Киев, 1909; и др.

⁵⁵ См., напр.: *Эвенчик С.А.* Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. 1969. № 309. С. 59–338.

⁵⁶ *Алексеева С.И.* Традиция «Симфонии» и церковно-государственные отношения в пореформенной России // XVI Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы. Т. 1. М., 2006. С. 99–102; *Соловьев А.А.* К.П. Победоносцев и идея симфонии властей на рубеже XIX–XX веков // I Романовские чтения. История российской государственности и династия Романовых: актуальные проблемы изучения. Материалы конференции, Кострома, 29–30 мая 2008 года. Кострома, 2008. С. 110–117.

⁵⁷ *Тимошина Е.В.* Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К.П. Победоносцев. СПб., 2000; *Томсинов В.А.* Константин Петрович Победоносцев (1827–1907): человек, государственный деятель и правовед // *Победоносцев К.П.* Юридические произведения. М., 2012. С. 7–216.

⁵⁸ *Шафеев А.Р.* Политические взгляды К.П. Победоносцева на проблемы взаимоотношения между обществом и государством // Теория и практика общественного развития: электронный журнал. 2011. № 2. С. 85–90. URL: <http://www.teoriapractica.ru/vipusk-2-2011/> (дата обращения: 18.11.2021).

⁵⁹ *Полунов А.Ю.* Политическая индивидуальность К.П. Победоносцева // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1991. № 2. С. 42–48; *Он же.* К.П. Победоносцев в оценках французских публицистов и ученых конца XIX — начала XX в. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 138–144; *Он же.* Константин Петрович Победоносцев: вехи политической биографии. М., 2010; *Он же.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.

К.П. Победоносцев

протекции, благодаря способностям и трудолюбию, начал быстро продвигаться по службе и в классных чинах. Принимал участие в подготовке судебной реформы 1864 г., читал лекции в Московском университете. Написал ряд работ по юриспруденции, в том числе «Курс гражданского права». В 1863 г. сопровождал будущего императора Александра III, тогда — цесаревича Александра — по России, затем становится его воспитателем, учителем законоведения. С 1865 г. окончательно перебирается в Петербург. Здесь начинается его стремительное восхождение по ступеням государственной лестницы. С 1868 г. он — сенатор, с 1872 г. — член Государственного совета, с 1880 г. — обер-прокурор Святейшего правительствующего синода. При Николае II получил звание статс-секретаря, дававшее Победоносцеву право входить к императору с докладом вне установленного регламента. Контролировал многие направления внутренней политики — подбор и расстановку государственных деятелей, церковь, культуру, прессу.

Так как фигура императора была вне критики, то именно на Победоносцева, с учетом значимости его политического положения, направлялись критические стрелы со стороны революционно-демократических и либеральных сил. Его называли «ангелом-хранителем трона», «злым гением России», «апостолом абсолютистского консерватизма», на него сочиняли эпиграммы, рисовали карикатуры. В советской исторической литературе Победоносцев характеризовался как махровый реакционер.

Рассмотрим подробнее взгляды Победоносцева и постараемся понять их истоки. Подобно Уварову и Каткову, Победоносцев был

не чужд либеральных идей на раннем этапе своей деятельности. Но он болезненно воспринял происходивший в стране процесс модернизации традиционного общества. Неизбежные факторы, вытекающие из запоздалости реформ (например, рост политического экстремизма вплоть до терроризма), ошибочно воспринимаются Победоносцевым как порождение самих реформ. В результате он приходит к выводу, что русское общество не готово к дарованной ему самостоятельности, и повторяет типичные для консервативных кругов заблуждения, заявляя, что «общественная смута» 1870–1880-х гг. — лишь результат действий горстки молодых людей, потерявших разум, а также бездействия правительства.

Победоносцев явно находился в поисках некоего вносящего порядок начала. Будучи человеком традиционного склада мышления и характера, он не был в состоянии найти его в чем-либо ином, помимо самодержавия. Отсюда вытекает его отрицательное отношение к реформам, особенно к проектам конституционализма. По мнению Победоносцева, в условиях, когда власть не умеет сдержать и направить нуждающееся в этом общество, передача обществу части полномочий власти есть абсурдный шаг. Цареубийство 1 марта 1881 г. укрепило Победоносцева в правильности его мыслей, и он прилагает все силы для того, чтобы «подморозить Россию».

Мировоззрение Победоносцева в значительной степени отражено в его политико-правовом трактате под названием «Московский сборник». Этот трактат, состоящий из 20 разделов, представляет собой конспект лекций, которые Победоносцев читал будущему императору. Вот лишь названия некоторых глав: «Церковь и государство», «Суд присяжных», «Печать», «Народное просвещение», «Закон», «Вера», «Духовная жизнь», «Власть и начальство».

В «Московском сборнике» Победоносцев высказывает резко отрицательное отношение к идеям народовластия, парламентаризма, демократии и конституции. Характерно название главы, где он излагает эти вопросы, — «Великая лож нашего времени».

Эта глава показательна для мировоззрения Победоносцева в целом и в значительной степени связана со всем комплексом его идей. Поэтому на ее содержании следует остановиться подробнее и, по возможности, дать оценку содержащимся в ней выводам. Причем оценку не аксиологическую (ибо в этом случае каждый будет говорить об одном и том же, но по-своему, исходя из своей системы ценностей), а оценку, исходящую из того, насколько корректными были выводы и аргументы По-

бедоносцева, чем они подкреплялись, — глубоким анализом реальных фактов или тенденциозной умозрительной схемой.

В главе «Великая лож нашего времени» Победоносцев начинает свои рассуждения о демократии и парламентаризме с утверждения, что «начало народовластия, та, к сожалению, утвердившаяся со времени французской революции *идея*, что всякая власть исходит от *народа* и имеет основание в воле народной», — есть «одно из самых лживых политических начал». Победоносцев сокрушается, что вытекающая отсюда теория парламентаризма «до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции — и проникла, к несчастью, в русские безумные головы»⁶⁰.

Победоносцев считает, что идея народовластия может реализоваться только в том, что сейчас называют непосредственной демократией. Но она невозможна, так как «историческое развитие общества приводит к тому, что местные союзы умножаются и усложняются, отдельные племена сливаются в целый народ или группируются в разноразличные под одним государственным знаменем, наконец разрастается без конца государственная территория»⁶¹. Поэтому народ переносит свое право властвовать на некоторое количество выбранных людей, которые, в свою очередь, перекалывают власть на министров и т.д. По мнению Победоносцева, этот механизм, стройный в теории, на практике сталкивается с тем, что ни в парламенте, ни в министерствах нет «механических исполнителей данного им наказа», там не сидят «безличных механических исполнителей воли большинства», а это искажает механизм трансляции воли народа.

Далее Победоносцев переходит к критике реально существующей представительной демократии, парламентаризма. Формально он не возражает против нее, но тут же подчеркивает, что из-за усложнения общественной жизни и появления государства она невозможна.

Вот несколько характерных высказываний на этот счет: «Представители народные не стесняются несколькими взглядами и мнениями избирателей, но руководятся собственным произвольным усмотрением или расчетом, соображаемым с тактикой ... партии».

«Министры в действительности самовластны; и скорее они насилуют парламент, нежели парламент их насилует. Они вступают во власть и оставляют власть не в силу воли народной, но потому, что их ставит

⁶⁰ Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 38.

⁶¹ Там же. С. 39.

к власти или устраняет от нее могущественное личное влияние или влияние сильной партии».

«В действительности министры столь же безответственны, как и народные представители. Ошибки, злоупотребления, произвольные действия — ежедневное явление в министерском управлении, а часто ли слышим мы о серьезной ответственности министра?»

Отсюда делается вывод, что «если бы потребовалось истинное определение парламента, надлежало бы сказать, что парламент есть учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей»⁶².

Затем Победоносцев критикует все этапы функционирования парламентской демократии, начиная от выборов. Кандидаты в парламент обещают общественное благо — но это слова. Избиратели, по его мнению, являются «стадом для сбора голосов».

Вот еще характерный для Победоносцева взгляд на процедуру выборов: «Честолюбивый искатель сам выступает перед согражданами и старается всячески уверить их, что он, более чем всякий иной, достоин их доверия. Из каких побуждений выступает он на это искательство? Трудно поверить, что из бескорыстного усердия к общественному благу. Вообще, в наше время редки люди, проникнутые чувством солидарности с народом, готовые на труд и самопожертвование для общего блага; это — натуры идеальные; а такие натуры не склонны к соприкосновению с пошлостью житейского быта. Кто по натуре своей способен к бескорыстному служению общественной пользе в сознании долга, тот не пойдет заискивать голоса, не станет воспевать хвалу себе на выборных собраниях, нанизывая громкие и пошлые фразы. Такой человек раскрывает себя и силы в рабочем углу своем или в тесном кругу единомышленных людей, но не пойдет искать популярности на шумном рынке. Такие люди, если идут в толпу людскую, то не затем, чтобы льстить ей и подлаживаться под пошлые ее влечения и инстинкты, а разве затем, чтобы обличать пороки людского быта и ложь людских обычаев. Лучшим людям, людям долга и чести противна выборная процедура: от нее не отвращаются лишь своекорыстные, эгоистические натуры, желающие достигнуть личных своих целей»⁶³.

Победоносцев, написав еще много негативного о качествах людей, избирающихся в парламент, переходит к критике самого процесса вы-

⁶² Там же. С. 40–41.

⁶³ Там же. С. 42–43.

боров, показывая, сколько в нем случайного. «В день окончательного выбора лишь немногие подают голоса свои сознательно: это отдельные влиятельные избиратели, коих стоило уговаривать поодиночке. Большинство, т. е. масса избирателей, дает свой голос стадным обычаем, за одного из кандидатов, выставленных комитетом (очевидно, партийным. — В.Г.). На билетах (в избирательных бюллетенях. — В.Г.) пишется то имя, которое всего громче натвержено и звенело в ушах у всех в последнее время. Никто почти не знает человека, не дает себе отчета ни о характере его, ни о способностях, ни о направлении: выбирают потому, что много наслышаны об его имени»⁶⁴.

«Казалось бы, для кандидата существенно требуется — образование, опытность, добросовестность в работе: а в действительности все эти качества могут быть и не быть: они не требуются в избирательной борьбе, тут важнее всего — смелость, самоуверенность в соединении с ораторством и даже с некоторой пошлостью, нередко действующей на массу. Скромность, соединенная с тонкостью чувства и мысли, — для этого никуда не годится»⁶⁵.

Разгромив таким образом кандидатов в депутаты, охарактеризовав практически всех из них негативно, как, впрочем, и избирателей за их неспособность разобраться в ситуации с кандидатами, Победоносцев отвергает саму систему выборов. Достается и демократии — за то, что она предполагает «совершенную способность массы уразуметь тонкие черты политического учения»⁶⁶, и самому парламенту — за отсутствие единой воли. Мешают этой воле, по мнению Победоносцева, и партийная система, и национальные движения, которые происходят «не с теми только племенами, которые имели свою историю и, в прошедшем своем, отдельную политическую жизнь и культуру, — но и с теми, которые никогда не жили особою политическою жизнью». «Монархия неограниченная успевала устранять или примирять все подобные требования и порывы, — и не одною только силой, но и уравниванием прав и отношений под одною властью. Но демократия не может с ними справиться, и инстинкты национализма служат для нее разъедающим элементом...»

Ужаснувшись нарисованной им самим картине, К.П. Победоносцев восклицает: «Страшно подумать, что возникло бы у нас, ко-

⁶⁴ Там же. С. 45.

⁶⁵ Там же. С. 45–46.

⁶⁶ Там же. С. 50.

гда бы судьба послала нам роковой удар — всероссийский парламент! Да не будет»⁶⁷.

В итоге Победоносцев приходит к следующему выводу: «Величайшее зло конституционного порядка состоит в образовании министерства (имеется в виду правительство. — В.Г.) на парламентских и партийных началах». «Вместо неограниченной власти монарха мы получаем неограниченную власть парламента, с той разницей, что в лице монарха можно представить себе единство разумной воли, а в парламенте нет его...»⁶⁸

Следует, на мой взгляд, согласиться с мнением А.Ю. Полунова, что основной смысл высказываний Победоносцева против народовластия, парламентаризма, Конституции (которую он считал орудием всякой неправды и источником всякой интриги), содержащийся в «Московском сборнике» в целом и в главе «Великая ложь нашего времени», сводится к убеждению, что при парламентаризме власть дробится на миллионы фрагментов и оказывается в руках тех, кто сумел прибрать к себе самое большое количество этих фрагментов. Непосредственное народовластие невозможно, властные полномочия передаются от народа парламенту, от парламента к министрам. В результате власть народа превращается в фикцию, а единственным следствием демократии являются тирания и деспотия⁶⁹.

Но что же Победоносцев выдвигал в качестве положительной альтернативы парламентаризму? Нетрудно убедиться, что в качестве альтернативы Победоносцев выдвигал утопический идеал непосредственного единения власти с народом. По его мнению, внутренне единая с народом и выражающая здоровые народные начала верховная власть должна полностью взять на себя политическую активность⁷⁰.

Следует отметить, что рассуждения Победоносцева о парламентаризме и демократии неубедительны и некорректны. И этот вывод обусловлен опять же не аксиологическими соображениями, а констатацией того факта, что мысль К.П. Победоносцева идет от правильных частных наблюдений к неверному общему выводу, что обрушивает всю его концепцию.

В самом деле, в «Московском сборнике» сравниваются *реальный* парламентаризм и *идеальная* монархия. Конечно, в реальном парла-

⁶⁷ Там же. С. 54.

⁶⁸ Там же. С. 57, 58.

⁶⁹ Полунов А.Ю. Политическая индивидуальность К.П. Победоносцева... С. 46.

⁷⁰ Там же.

ментаризме можно найти большое количество проблем и недостатков. И депутатами парламента люди часто становятся по корыстным мотивам. И, пока совестливый и честный гражданин будет сомневаться по поводу того, достоин ли он и может ли он претендовать на депутатское место, иной напористый и имеющий хорошо подвешенный язык кандидат в депутаты без всяких рефлексий уверенно получит заветный мандат. И голосующие люди часто делают свой выбор случайно, поддавшись активной агитации далеко не за самого достойного человека или партию. И в партийной, как и в национальной борьбе много эгоистичного. И умение сделать уступку, найти компромисс с оппонентами ради общего блага встречается, увы, весьма редко. Все так. Но хлесткость этих констатаций не может заслонить того очевидного факта, что декларируемое Победоносцевым превосходство монархии, тем более самодержавной, весьма сомнительно.

Представим, что некий Анти-Победоносцев попытается возразить концепции «Московского сборника», используя методы самого официального идеолога. Тогда он сравнит *идеальный парламент* с *реальным самодержавием*. Плюсы парламента и демократии (даже представительной) он найдет без труда. А минусы самодержавной монархии? Да сколько угодно. Прежде всего — это то, что называют случайностью рождения. Родится в монаршей семье наследник престола, который впоследствии покажет себя умным, трудолюбивым, обладающим государственным подходом, — хорошо. Ну а если родится человек со слабыми умственными способностями, ленивый, слабо разбирающийся в работе сложного государственного организма? У страны с таким самодержцем, мягко говоря, возникнут проблемы. А ведь также надо учитывать, что если при республиканском строе и демократическом режиме негативные качества «первого лица» все-таки еще могут как-то микшироваться системой сдержек и противовесов, то в самодержавной стране такой системы нет, и негативные качества монарха будут только усиливаться. Кроме того, Победоносцеву не удалось доказать, а точнее, он и не доказывал тезис о том, что министры, получающие власть от парламента, — безответственны, а от самодержца — непременно будут ответственны.

Приходится сделать вывод, что Победоносцев предлагает своим читателям просто поверить, что самодержавная монархия — лучше. Убедительных аргументов при этом он не приводит. В этом нетрудно убедиться, внимательно прочитав «Московский сборник». И, как ни высмеивал Победоносцев несведущих в политике избирателей, приходит-

ся сделать вывод, что и его аргументы были рассчитаны на точно таких же читателей — плохо образованных и легковверных.

Нет сомнения, что Победоносцев писал искренне. Он так думал. Но его умозаключения не находят (и не нашли) подтверждения на практике. Гораздо правильное было при анализе форм правления взвесить плюсы и минусы и того и другого: и парламентаризма, и самодержавия. Но этого в трудах Победоносцева, увы, нет. Там присутствует заданность, подгонка сложной политической задачи под ответ, который представлялся правильным самому Победоносцеву. Таким образом, «Великая ложь нашего времени» и «Московский сборник» в целом — крайне тенденциозные тексты. Ну а ряд тезисов этих работ — например выдвинутый Победоносцевым идеал непосредственного единения власти с народом — попросту утопичны.

Таким образом, «Московский сборник» и другие труды Победоносцева стремились подвести фундамент под идею самодержавия. Наряду с этим Победоносцев как обер-прокурор Синода существенное внимание уделял религии и церкви, рассматривая ее как важнейшую опору власти. «Как ни громадна власть государственная, она утверждаетя ни на чем ином, как на единстве духовного самосознания между народом и правительством, на вере народной. Церковь как общество верующих не отделяет и не может отделять себя от государства как общества, соединенного в гражданский союз»; «Государство тем сильнее и тем больше имеет значения, чем явственнее в нем обозначается представительство духовное»⁷¹. Вера, по мнению Победоносцева, составляет важнейший противовес центробежным тенденциям в обществе и индивидуализму.

Такого рода идейные установки сказались в практической деятельности Победоносцева. Стремясь отгородить Россию от восприятия европейской политической культуры, он сделал ставку на охранительность, традиционность, «простонародную веру». Например, провозглашая приоритет ремесленной подготовки, профессионализации начальной школы, он отмечал, что идеал — это та школа, где приобретают минимум элементарных знаний, но зато учатся любить и уважать Бога, Отечество и Родину. Главное — не образование, а воспитание в строгом соблюдении существующего порядка общественной жизни.

⁷¹ Цит. по: Смолярчук В.И. Злой гений России (К.П. Победоносцев) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1990. № 3. С. 51.

Победоносцев, наряду с Катковым, много сделал, чтобы свести на нет результаты реформ 60–70-х гг. XIX в., в первую очередь судебной реформы, в разработке которой он сам в свое время принимал участие. «Законы становятся сетью не только для граждан, но, — что всего важнее, для самих властей, призванных к применению закона, стесняя для них, множеством ограничительных и противоречивых предписаний, ту свободу рассуждения и решения, которая необходима для разумного действия власти»⁷². В этой фразе Победоносцева выражено типичное для российских властей пренебрежительное отношение к праву, восприятие законов как фактора, мешающего успешным действиям власти. Если уж доктор права написал такие строки, то что ждать от менее образованных чиновников.

Оценивая в целом позицию Победоносцева как идеолога самодержавия, следует согласиться с точкой зрения, что позиция эта объяснима в контексте эпохи — как реакция в духе консерватизма и национализма на социально-политические последствия буржуазной эволюции и европеизации России, вынужденной догонять Запад. Однако, став руководящей установкой правительства, эта концепция сыграла крайне негативную роль — задавала курс, во многом предопределивший крайнюю остроту социальных конфликтов начала XX в. Чувствуя, что реальной альтернативы отвергаемому им направлению развития не существует, Победоносцев был вынужден избрать самоубийственный путь стагнации, охранительства. Идеи, которые он выдвигал — перевоспитание общества, усиление роли церковности, — оказались утопическими и при осуществлении перерастали в свою противоположность, вызывая недовольство всех социальных слоев⁷³.

Встречается описание следующей ситуации, возникшей на похоронах К.П. Победоносцева (1907 г.). Будто бы во время церемонии из толпы крикнули: «Вот хоронят главного организатора революции!» Трудно сказать, насколько эта история достоверна. Но если это придумано, то придумано со смыслом. Ведь, как это ни парадоксально, такая оценка справедлива. Победоносцев, всеми силами стремящийся оградить страну от революции, избрал для этого путь, ведущий в прямо противоположном направлении. Власть так и не осознала, что жизнь остановить нельзя, что доведенная до абсурда охранительность включает в себе самой разрушительный эффект. Люди, не привыкшие к жизни в услови-

⁷² Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 103.

⁷³ Полунов А.Ю. Политическая индивидуальность К.П. Победоносцева... С. 48.

ях демократических свобод, пребывающие в косности, невежестве, умственной лени, чрезвычайно податливы к любому радикальному учению. От косности до бунта — рукой подать. Это, к сожалению, не было учтено идеологами самодержавия.

Итак, идеология самодержавия, окончательно сформировавшаяся в России в XIX в., включала в себя такие черты, как охранительная концепция русских национальных начал и русского народа, игнорирование внутренних, социально-экономических причин освободительных идей и освободительного движения в России, антизападничество, антилиберализм, отрицательное отношение к идеям конституционализма и демократии, признание самодержавия высшим типом государственной власти, использование церкви в качестве инструмента власти, правовой нигилизм, ставка на традиционализм и казенный патриотизм, крайне утилитарное отношение к системе воспитания и образования, ее политизация. Такая идеология не способствовала своевременному решению стоящих перед страной задач экономического и политического развития. Более того, она пыталась повернуть историю вспять. Это приводило к накоплению проблем, которое закончилось революционным взрывом. Поэтому можно констатировать, что официальная идеология не выполнила стоящих перед нею задач даже с точки зрения интересов самодержавной власти, не говоря уж об интересах России.

REFERENCES

1. *Alekseeva S.I.* Tradicija «Simfonii» i cerkovno-gosudarstvennye otnoshenija v poreformennoj Rossii [The Symphony Tradition and Church-State Relations in Post-Reform Russia] // XVI Ezhegodnaja bogoslovskaja konferencija Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta: materialy [XVI Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities: materials]. T. 1. M.: Izdatel'stvo PSTGU, 2006. S. 99–102.
2. *Brutjan A.L. M.N. Katkov: social'no-politicheskie vzgljady* [M.N. Katkov: socio-political views]. M.: MAKSPress, 2001. 159 s.
3. *Glinskij B.B.* Konstantin Petrovich Pobedonoscev (Materialy dlja biografii) [Konstantin Petrovich Pobedonostsev (Materials for biography)] // Istoricheskij vestnik [Historical Bulletin]. 1907. № 4. S. 247–274.
4. *Gnevushev M.V.* Konstantin Petrovich Pobedonoscev [Konstantin Petrovich Pobedonostsev]. Kiev, 1907. 17 s.
5. *Gol'cov V.I.* Universalizm i ksenofobija v tvorchestve F.M. Dostoevskogo: Tezisy doklada na Vserossijskoj nauchnoj konferencii [Universalism and xenophobia in the works of F.M. Dostoevsky: Abstracts of the report at the All-Russian scientific conference] // Nacional'nyj / social'nyj harakter: arheologija idej i sovremennoe nasledstvo: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii [National / Social Character: Archeology of Ideas and Modern Heritage: Materials of the All-Russian Scientific Conference]. M.: IVI RAN, 2010. S.132–133.
6. *Gol'cov V.I.* Pervaja mirovaja vojna i formirovanie mirovozzrenija russkih intellektualov konservativnogo napravlenija XX veka (na materialah tvorchestva I.A. Il'ina) [The First World War and the Formation of the Worldview of Russian Intellectuals of the Conservative Direction of the 20th Century (Based on the Materials of the Works of I.A. Ilyin)] // XX vek i Rossija: obshhestvo, reformy, revoljucii. Jelektronnyj sbornik [XX century and Russia: society, reforms, revolutions. Electronic collection]. Vyp. 2. Samara, 2014. S. 174–184. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/sbornik.html?cid=11>

7. *Gol'cov V.I.* Politiko-propagandistskaja sostavljajushhaja rossijskoj istoricheskoj belletristiki (po materialam romana F.M. Dostoevskogo «Besy») [Political and propaganda component of Russian historical fiction (based on the novel «The Demons» by Fyodor Dostoyevsky)] // *Ljudi i teksty. Istoricheskij al'manah* [People and texts. Historical almanac]. M.: IVI RAN, 2017. S. 244–272.
8. *Grigorevskij M.S.* Pedagogicheskie vozzrenija K.P. Pobedonosceva [Pedagogical views of K.P. Pobedonostsev]. Kiev: Tipografija Imperatorskogo Universiteta sv. Vladimira (Akcionernogo obshhestva pečati i izdatel'skogo dela N.T. Korchak-Novickogo) [Printing House of the Imperial University of St. Vladimir (Joint Stock Society of Press and Publishing N.T. Korchak-Novitsky)], 1909. 27 [2] s.
9. *Zorin A.L.* Ideologija «pravoslavija — samoderzhavija — narodnosti» i ejo nemeckie istochniki [The ideology of «Orthodoxy — autocracy — nationality» and its German sources] // *V razdum'jah o Rossii (XIX vek). (Sb. statej) [Thinking about Russia (XIX century). (Sat articles)]*. M.: Arheograficheskij centr, 1996. S. 105–128.
10. *Ivanov O.A.* Ideologija «pravoslavie, samoderzhavie, narodnost'» S.S. Uvarova [Ideology «Orthodoxy, autocracy, nationality» of S.S. Uvarov] // *Konservatizm v Rossii i mire: proshloe i nastojashhee. Sbornik nauchnyh trudov* [Conservatism in Russia and the World: Past and Present. Collection of scientific papers]. Vyp. 1. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 2001. S. 92–110.
11. *Kantor V.K.* O sud'be imperskogo liberalizma v Rossii (M.N. Katkov) [On the fate of imperial liberalism in Russia (M.N. Katkov)] // *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. 2007. № 2. S. 66–91.
12. *Kachalov I.L.* Ideologija oficial'noj narodnosti: istoriografija i stereotipy obshhestvennogo soznaniya [Ideology of the Official Nationality: Historiography and Stereotypes of Public Consciousness] // *Istoricheskie aspekty politicheskoy teorii: materialy nauchno-metodicheskogo seminara* [Historical aspects of political theory: materials of the scientific and methodical seminar]. Respublika Belarus', Minsk, 28 fevralja 2018 goda. Minsk: Izdatel'stvo Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta informatiki i radioelektroniki, 2018. S. 28–35.
13. *Kitaev V.A.* Ot frondy k ohranitel'stvu (iz istorii russkoj liberal'noj mysli 50–60-h godov XIX veka) [From Fronde to Conservation (from the History of Russian Liberal Thought in the 50s — 60s of the 19th Century)]. M.: Mysl', 1972. 288 s.

14. *Litvinenko I.* Pojet Arsenij Nesmelov: Vernopoddannymi — sto sorok millionov sebja zvalo... [Poet Arseny Nesmelov: One hundred and forty million called themselves loyal subjects ...] // *Rodina*. 2017. № 4. S. 30–34.
15. *Ljubimov N.A.* Mihail Nikiforovich Katkov i ego istoricheskaja zasluga [Mikhail Nikiforovich Katkov and his historical merit]. SPb.: Tipografija tovarishhestva «Obshhestvennaja pol'za» [Printing house of the «Public Benefit» partnership], 1889. 359 s.
16. *Nifontov A.S.* Rossiya v 1848 godu [Russia in 1848]. M.: Uchpedgiz, 1949. 316 s.
17. *Polunov A.Ju.* Politicheskaja individual'nost' K.P. Pobedonosceva [Political personality of K.P. Pobedonostsev] // *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Seriya 8: Istorija. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1991. № 2. S. 42–48.
18. *Polunov A.Ju.* K.P. Pobedonoscev v ocenках francuzskih publicistov i uchjonyh konca XIX — nachala XX v. [K.P. Pobedonostsev in the assessments of French publicists and scientists of the late 19th — early 20th centuries] // *Otechestvennaja istorija*. 2007. № 6. S. 138–144.
19. *Polunov A.Ju.* Konstantin Petrovich Pobedonoscev: vehi politicheskoi biografii [Konstantin Petrovich Pobedonostsev: milestones of a political biography]. M.: MAKS Press, 2010. 177 s.
20. *Polunov A.Ju.* K.P. Pobedonoscev v obshhestvenno-politicheskoi i duhovnoj zhizni Rossii [K.P. Pobedonostsev in the socio-political and spiritual life of Russia]. M.: ROSSPJeN, 2010. 374 s.
21. *Russkoe obshhestvo 40–50-h godov XIX v. Chast' II. Vospominanija B.N. Chicherina* [Russian society 40–50-ies of the nineteenth century. Part II. Memories of B.N. Chicherin]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1991. 254 s.
22. *San'kova S.M.* Gosudarstvennyj dejatel' bez gosudarstvennoj dolzhnosti. M.N. Katkov kak ideolog gosudarstvennogo nacionalizma. Istorioficheskiy aspekt [A statesman without a public office. M.N. Katkov as an ideologist of state nationalism. Historiographic aspect]. SPb.: Nestor, 2007. 300 s.
23. *Sementkovskij R.I.* M.N. Katkov. Ego zhizn' i literaturnaja dejatel'nost': Biograficheskij ocherk [M.N. Katkov. His life and literary activity: Biographical sketch]. SPb.: Izdatel'stvo: Tipografija Ju.N. Jerlih [Publisher: Printing House Yu.N. Erlich], 1892. 80 [1] s.
24. *Smoljarchuk V.I.* Zloj genij Rossii (K.P. Pobedonoscev) [The evil genius of Russia (K.P. Pobedonostsev)] // *Izvestija vuzov. Pravovedenie*. 1990. № 3. S. 49–55.

25. *Solovej T.D., Solovej V.D.* Nesostojavshajasja revoljucija: Istoricheskie smysly russkogo nacionalizma [The Failed Revolution: The Historical Meanings of Russian Nationalism]. M.: Feorija, 2009. 440 s.
26. *Solov'jov A.A.* K.P. Pobedonoscev i ideja simfonii vlastej na rubezhe XIX–XX vekov [K.P. Pobedonostsev and the idea of a symphony of powers at the turn of the 19th – 20th centuries] // I Romanovskie chtenija. Istoriya Rossijskoj gosudarstvennosti i dinastija Romanovyh: aktual'nye problemy izuchenija. Materialy konferencii [I Romanov Readings. History of Russian statehood and the Romanov dynasty: topical problems of study. Conference materials]. Kostroma, 29–30 maja 2008 goda. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2008. S. 110–117.
27. *Tvardovskaja V.A.* Ideologija poreformennogo samodержavija: (M.N. Katkov i ego izdanija) [The ideology of the post-reform autocracy: (M.N. Katkov and his publications)]. M.: Nauka, 1978. 280 s.
28. *Timoshina E.V.* Politiko-pravovaja ideologija russkogo poreformennogo konservatizma: K.P. Pobedonoscev [Political and legal ideology of Russian post-reform conservatism: K.P. Pobedonostsev]. SPb.: Izdatel'stvo SPbGU, 2000. 204 s.
29. *Tomsinov V.A.* Konstantin Petrovich Pobedonoscev (1827–1907): chelovek, gosudarstvennyj dejatel' i pravoved [Konstantin Petrovich Pobedonostsev (1827–1907): man, statesman and jurist] // *Pobedonoscev K.P.* Juridicheskie proizvedenija [Legal writings] / Pod red. V.A. Tomsinova. M.: Zercalo, 2012. S. 7–216.
30. *Udalov S.V.* Teorija oficial'noj narodnosti: mehanizmy vnedrenija [The theory of the official nationality: mechanisms of implementation] // Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov [Liberation movement in Russia. Interuniversity collection of scientific papers]. Vyp. 21. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2006. S. 73–81.
31. *Cimbaev N.I.* «Pod bremenem poznan'ja i somnen'ja...» (Idejnye iskanija 1830-h godov) [«Under the burden of knowledge and doubt...» (Ideological searches of the 1830s)] // Russkoe obshhestvo 30-h godov XIX v. Ljudi i idei (Memuary sovremennikov) [Russian society of the 30s of the nineteenth century. People and Ideas (Memoirs of Contemporaries)]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1989. C.5–47.
32. *Shafeev A.R.* Politicheskie vzglyady K.P. Pobedonosceva na problemy vzaimootnoshenija mezhdu obshhestvom i gosudarstvom [Political views of K.P. Pobedonostsev on the problems of the relationship between

- society and the state] // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija: jelektronnyj zhurnal [Theory and practice of social development: electronic journal]. 2011. № 2. S. 85–90. URL: <http://www.teoria-practica.ru/vipusk-2-2011/>
33. *Jevenchik S.L.* Pobedonoscev i dvorjansko-krepostniceskaja linija samodержavija v poreformennoj Rossii [Pobedonostsev and the noble-serf line of autocracy in post-reform Russia] // Uchenye zapiski MGPI im. V.I. Lenina. 1969. № 309. S. 59–338.

Ключевые слова:

Николай I, Донесение Следственной комиссии (1826 г.), Высочайший Манифест от 13 июля 1826 г., С.С. Уваров, «теория официальной народности», М.Н. Катков, «Московские ведомости», К.П. Победоносцев, «Московский сборник».

Victor I. Goltsov

OFFICIAL IDEOLOGY OF THE AUTOCRACY IN THE 19TH—EARLY 20TH CENTURIES

he study outlines the development of the official ideology of the Russian autocracy in the 19th–early 20th centuries. Therefore, the author examined the origins and contents of several doctrines and concepts in their historical, ideological and political context. These are Sergei Uvarov's Official Nationality doctrine, Mikhail Katkov's Post-Reform Conservatism and Konstantin Pobedonostsev's Russian Conservative Nationalism. These theories have a few common features, such as a rather conservative interpretation of Russian national identity and its origins, disregard for the internal causes of the liberation movement in Russia, anti-liberalism, rejection of constitutionalism and democracy, reliance on the church as an instrument of power and support for traditional values and hurrah-patriotism. The author attempted to determine how accurately these theories reflected Russian life and how credible they were. The study concludes that these doctrines were a shallow attempt of the authorities and elites to foster confidence in the existing regime. Moreover, these theories were also dangerous, first and foremost for the autocracy itself. Drawing upon these ideas, Russian rulers have often made poor decisions, adopting the dangerous course towards isolationism and conservatism, which only brought the demise of the regime even closer, stoking the flames of an inevitable revolution — something that the Empire desperately sought to avoid. The official ideological tenets of the Russian autocracy failed to accomplish its main task of ensuring the stability and efficiency of the regime.

Keywords: Nicholas I, Report of the Investigation Commission (1826; Decembrist trial), The Imperial Manifesto of 13 July 1826, Sergei Uvarov, Official Nationality doctrine, Mikhail Katkov, Moscow Bulletin, Konstantin Pobedonostsev, Moscow Collection.

Victor I. Goltsov — Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Samara.

 Гольцов Виктор Иванович

кандидат исторических наук, г. Самара